

СОЦИОЛОГИЯ И ЖИЗНЬ

DOI: 10.17805/zpu.2023.4.9

Молодежь России на переломе эпох

О. И. КАРПУХИН

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Московский гуманитарный университет,

С. Н. КОМИССАРОВ

Институт социологии ФНИСЦ РАН

На основе данных новейших социологических исследований жизненных судеб и ценностей молодежи в условиях обострения геополитической ситуации в мире и культурно-информационной экспансии Запада против России проведен анализ изменений, происходящих ныне в среде российской молодежи, показаны различные аспекты государственной молодежной политики.

В целом события в Малороссии и усиление гибридной войны против России привели к усилению консолидации нашего общества, повышению доверия к политической власти и укреплению убежденности в особом пути развития страны с опорой на национальные ценности.

Социологические данные свидетельствуют о том, что большая часть молодежи «встраивается» в существующий социальный порядок со всеми его недостатками. Ее социальный оптимизм и созидательный потенциал востребованы не только на поле боя, но и во всех сферах общественной жизни, прежде всего в «прорывных» областях научно-технологического развития страны, на которые власть и бизнес делают ставку в условиях беспрецедентного санкционного давления со стороны Запада. Курс на мобилизационное обновление российского общества связан и с подключением к его реализации молодежи региональной России, и с запросом на социальную справедливость и эффективность управления страной. Потребность и решимость в осуществлении этого курса подтверждается высокой степенью межпоколенческого транзита, исключающего разрыв поколений, особенно во взглядах на настоящее и будущее России, что свидетельствует о социальной устойчивости и воспроизводстве ценностных матриц и цивилизационного кода России. Полноценное включение молодежи в осуществление идеи вхождения страны в число мировых лидеров, объединяющих человечество на идеалах и принципах равноправия, напрямую зависит от способности государства провести социальные преобразования, позволяющие реализовать личностный творческий потенциал каждого во всех сферах общественной жизни.

Ключевые слова: молодежь России; динамика социально-экономического положения молодежи; духовное состояние молодежи; государственная молодежная политика

ВВЕДЕНИЕ

Чем напряженнее ситуация в стране и мире, тем все большее значение приобретает молодежь как наиболее активная и перспективная составляющая социума во всех его измерениях и как все более значимый субъект социального развития. Четверть нынешних россиян находятся в самом социально продуктивном возрасте

(14–35 лет). Вместе с новыми волнами следующих поколений они представляют собой огромный потенциал для будущего. Именно эти наши современники определяют нынешнее и будущее России. Фактически все они родились и живут вне советской цивилизации, сформировались в современной, российской. Первая треть периода становления молодых россиян прошла на руинах советского прошлого, новую социальную ткань жизни власть всеми силами механически заполняла политическими порядками, экономическими механизмами, социальными нормами, духовными ценностями и культурными образцами либерализма и «демократии», трудность укоренения которых в нашей стране очевидна.

Хаос общества, в который ввергли страну наши прозападные «реформаторы», травмировал не только большую часть взрослых поколений, но и нанес «родовую травму» поколениям подрастающим. Дезориентация в социальном пространстве и в историческом времени, отсечение прошлого не способствовали выработке у молодого человека объективной оценки происходящего, изменений в обществе, самого себя в незнакомом и чуждом мире. «Промывание мозгов», маховик которого раскручивался практически всеми средствами духовно-идеологического воздействия, только выжигал попытки осмыслить происходящее, увидеть его сущность в парадигме прошлого и будущего, найти себя в этом мире... Гедонизм, «фастфудное» удовлетворение низменных интересов и бездуховных потребностей, даже если и не достигали поставленной дирижерами этого процесса цели, оставляли в душе молодого человека пустоту, которую все больше число «неокрепших душ» заполняло наркотиками, отказом от социально значимых критериев оценки добра и зла, справедливости и несправедливости, красоты и безобразия...

Реальное существование молодежи в стране, переживающей турбулентный период, становилось все более проблемным, внутренний мир со всеми его невнятными порывами и неустоявшимися ценностями, творческими устремлениями и социальными ожиданиями все ощутимее расходился с реальной действительностью. Молодой человек, глядя в «зеркало» общественных отношений, не узнавал самого себя, т. е. терял осознание своего предназначения, самоопределения в обществе. Социологи определяют подобное состояние как кризис идентификации или как деидентификацию, приводящую к тому, что человек теряет способность вести себя так, чтобы реакции внешнего мира соответствовали его намерениям и ожиданиям. В результате он становится неузнаваемым для самого себя, отчужденным не только от общества, но и от своей собственной жизни. Такие состояния порождают чувства неопределенности, тревоги, способные привести к депрессии и психологическому кризису человека. Молодежь была отдана на заклание ельцинской власти: отсутствие жизненных перспектив и социальных лифтов подталкивало ее к мыслям о том, что успеха в обществе можно добиться только антиобщественным путем, вопреки сложившимся традициям, выпав из духовно-нравственной парадигмы, в которой жили родители и деды.

Начавшийся в нынешнем веке поворот на рельсы национальной государственности вынудил Запад перейти к стратегии тотального противоборства с нашей страной — такой, какой ее создали многие ушедшие и живущие поколения и в какой предпочитает жить большинство россиян. Если в 1990-е гг. социальное существование молодежи было все более проблемным в условиях кардинальных трансформаций внутри страны, то сегодня на мироощущение, проблемы и трудности самореализации, неустойчивые смысложизненные установки молодых людей «су-

щественно воздействуют положение дел в мировом сообществе, беспрецедентное давление на Россию, ее историю, образ жизни и выбор пути развития коалиции антироссийски настроенных стран» (Молодежь и Россия будущего, 2023: 11).

В этих условиях существенно возрастает общественная потребность в междисциплинарных сравнительных исследованиях молодежи, которые достаточно интенсивно велись начиная с 60–70-х гг. прошлого века. Резко усилившаяся социальная динамика, геополитические потрясения делают молодежную проблематику настолько актуальной, что ей посвящены недавно вышедшие фундаментальные работы, позволяющие всесторонне охарактеризовать состояние и динамику массового сознания и поведения постсоветского молодого поколения в основных сферах жизнедеятельности (там же, 2023; Горшков, Шереги, 2020).

Произошла ли в новых социально-исторических условиях «смена вех» в общественном сознании и поведении молодежи? Какие выводы и оценки можно дать на основе анализа данных многолетних социологических исследований, какие перспективы дальнейшего развития событий проступают в нынешнем состоянии молодежной среды?

СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ: ВВЕРХ ИЛИ ВНИЗ?

Опережая конечные выводы, можем предположить, что за первое же десятилетие демократической России в результате непродуманной молодежной и культурной политики государства в значительной степени произошло отторжение молодого поколения от тех культурно-исторических ценностей, которыми жил и благодаря которым еще живет наш народ.

В последующем это переросло в отчуждение многих молодых людей от социума, построенного на хаотичном симбиозе традиционных цивилизационных оснований и навязанных стране конструкциях либеральной демократии, оказавшейся, по меньшей мере, непродуктивной для российского общества. Общество до этих внешних потрясений не смогло обеспечить достаточную включенность молодежи в деятельность практически всех социальных институтов — от политической власти и экономических структур до образования и культуры. Деинтеллектуализация в процессе образования и общения привела значительную часть молодежи к одномерности массового сознания, оставляющего вне поля зрения сложные концептуальные конструкции, духовно-ценностные константы и предпочитающего ориентироваться на вполне прозаические блага и сиюминутные удовольствия, что не может не приводить к оскудению духовного богатства и ограничению «культурного кругозора» за счет выпадения из классического и традиционного культурного наследия и анклавизации молодежной культуры, направленной на внеотечественные образцы масскульта.

В целом в молодежной среде потребность в самореализации обрела превращенную форму пассивного потребления (квазипотребления) труда, творчества, образования, культуры. По данным Госкомитета РФ по делам молодежи, у молодых россиян уже к 1997 г. мастерство и профессионализм как факторы личностного самоопределения передвинулись по сравнению с 1990 г. со второго места на шестое, честность и принципиальность — с третьего на пятое место, а высокие показатели в работе — с пятого на восьмое место. Такие показатели свидетельствовали о разрушении трудовой мотивации, без которой немислим цивилизованный рынок (Ка-

таев, 1993). Более того, для значительной части российской молодежи проблема физического выживания отодвинула на задний план потребности самореализации в сфере социально-политической и социокультурной активности. В обществе возникла аномия — утеря нормативно-ценностных ориентаций, приведшая к росту преступности среди молодежи.

Прежде всего важно оценить социально-экономическое состояние молодежной среды.

Рыночные отношения расширили возможности личности в экономической деятельности, которые в рыночных условиях удалось реализовать далеко не всем. Большинство молодых людей в конце 1990-х гг. — иждивенцы: у 62%, опрошенных социологами основным источником дохода были родители, которые зачастую и становились первыми виновниками нереализованных притязаний и потребительских амбиций своих чад. Конфликт «отцов и детей» переходил из идейно-нравственной плоскости в сугубо материальную сферу. Не случайно половина опрошенных полагали, что по своим взглядам на жизнь они отличаются от своих родителей, у 32% не совпадали с родителями идеалы и ценности, а у каждого пятого — образ жизни.

Рыночная эйфория в молодежной среде к концу 1990-х гг. столкнулась с экономической реальностью, в которой две трети молодых россиян находились за чертой бедности, едва сводили концы с концами, тратя заработанные деньги только на питание (44%), покупку недорогой одежды (29%) (Положение молодежи в Российской Федерации ... , 1998). Наверное, такую ситуацию нынешние двадцатилетние могут назвать страшным сном своих родителей. В молодежной среде все-таки сохраняется ориентация на рыночное или по крайней мере «госкапиталистическое» хозяйство. Но с того времени экономическая ситуация по отношению к молодежи принципиально не изменилась. В 2001 г. почти половина (48,6%) молодых людей с 18 до 30 лет признали свое материальное положение плохим. Через 20 лет у повзрослевших представителей этого поколения, которым в 2021 г. исполнилось 38–50 лет, это положение несколько улучшилось. Однако четверым (41,1%) из десяти опрошенных не удалось его улучшить. Ныне данные РИСИ и ФНИСЦ РАН показывают, что к категории благополучных среди молодежи можно условно отнести только одного из трех молодых людей. За 10 лет (2011–2021 гг.) ухудшилось материальное положение молодых людей 18–35 лет (в 2011 г. — у 39,6%, в 2021 г. — у 50,3%). За это же время уменьшились социальные гарантии на случай болезни, безработицы (на пять пунктов — 25,9 и 30,5%), но особенно неблагоприятная ситуация складывается у этой возрастной категории с жильем: число отметивших эту проблему возросло более чем вдвое — с 20,0 до 41,8% (Молодежь и Россия будущего, 2023: 87, 381, 85).

С 1990-х гг. преобладал прагматический подход юношей и девушек к предстоящей работе. Большинство из них (39%), признавая важность общественной пользы, творческого характера трудовой деятельности, о зарплате не забывали. Каждый десятый был согласен на любую работу, лишь бы она хорошо оплачивалась. Каждый четвертый из опрошенных молодых людей планировал организовать после получения специальности свое дело. Не случайно в тройку самых престижных профессий, наряду с юридической и экономической, молодежь уверенно включала специализацию менеджера и предпринимателя (17 и 28% соответственно). В то же время не мог не насторожить тот факт, что 4% молодых людей включало банди-

тизм и рэкет в перечень наиболее престижных профессий. Обогащение и жизненный успех любой ценой стали болезненным синдромом среди молодежи. Не случайно 18% опрошенных допускали для себя участие в криминальных группировках, а 9% считали это нормальным способом зарабатывания денег; почти 13% молодых людей так же относились к проституции. Более 80% (82%) старшеклассников встречали новый век с вполне прозаичным стремлением «научиться зарабатывать деньги и приумножать свой капитал» (Панкова, 2002: 112).

Изменение социально-профессиональной структуры молодежи внешне выглядит вполне положительно: сокращается доля неработающих, повышается профессиональный статус у многих молодых россиян. Однако перетекание «старого» рабочего класса в «новый» — торговли и сферы услуг отражает диспропорции в экономике в целом и, главное, не расширяет горизонт жизненных возможностей. За последние 10 лет оценочная иерархия в сфере труда, конечно же, изменилась, но реальность достижения важнейших для молодых людей жизненных целей — интересной и престижной работы, хороших заработков — для большинства из них практически застыла на прежнем уровне. Это объективный показатель эффективности механизмов социальной мобильности. Лишь меньшинству молодых людей удастся улучшить материальное положение семьи родителей. Отсутствие конструктивных способов повышения благосостояния порождает опасность асоциальных действий и загоняет все большее число молодых людей в кредитную яму. Достаточно сказать, что сбережения без долгов имеет только примерно каждый пятый молодой человек (16–23% в период с 2003 по 2021 г.) (Молодежь и Россия будущего, 2023: 381–382).

Если добавить к этому болезненную ситуацию с собственным жильем в стране, где это жилье строится, казалось бы, невиданными темпами и становится доступным для молодых, но только при условии добровольного попадания в капкан долгосрочных кредитных обязательств, ипотечных долгов, то можно себе представить характер и масштабы существующего недовольства этим очевидным парадоксом. И главное здесь — негативные социальные последствия для молодых семей и семейных отношений в целом. Поэтому демографическую проблему надо начинать с реального опровержения известной поговорки «с милым рай и в шалаше»...

Такие препоны на пути социального, материального благополучия и укрепления семьи как важнейшей ячейки общества отрицательно влияют на полноценное включение этой возрастной категории в процесс социального прогресса. Следовательно, включение дополнительных социально-экономических механизмов реализации потенциала молодежи должно быть приоритетными в действиях власти. Не случайно социальную справедливость ставит каждый третий молодой россиянин (33,8%) на первое место среди факторов, определяющих развитие России в XXI в. (там же: 25).

ПОЛОЖЕНИЕ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

В основной сфере деятельности и на главном «поле» самореализации молодежи — в образовании — произошла качественная трансформация, которая существенным образом снизила возможности самореализации.

Уровень образования молодых людей неуклонно возрастает, но низкие доходы семьи, проживание в сельской местности и малых городах, невысокий уровень образования родителей и другие социальные перепады в молодежной среде стано-

вятся не только барьерами на этом пути, но и социально дестабилизирующими факторами и снижают человеческий потенциал российской молодежи в целом. Бюрократизация сферы образования плюс перевод ее на рыночные рельсы благоприятствуют не самым талантливым, а самым ловким и обеспеченным.

Сегодня система стимулирования индивидуального успеха в любой области позволяет добиться значимых результатов — прорывные технологии, изобретенные молодыми, победы на олимпиадах, на которые допускают российских участников, и т. д. Но за чертой этих успехов остается основная масса молодежи, в силу различных причин не добежавшая до финиша успеха. Ситуацию можно грубо сравнить с выискиванием золотых слитков, хотя основная масса драгоценного человеческого «металла» остается в «ненужной» руде. Но в отличие от металла человеческая душа подвергается коррозии в гораздо большей степени. Социальные аномалии в молодежной среде, конечно же, не являются прямым следствием такой конкурентной, а на самом деле потогонно-лотерейной системы отбора «лучших», которая оставляет за бортом тех, кто добежал до финишной ленточки успеха не первым, порождают асоциальные явления. Частным результатом бюрократизации сфер образования и науки — аутсайдеров среди приоритетных сфер внимания государства — стала демотивация «студенчества в отношении перспектив научной и преподавательской работы в России и успешной карьеры в данной области» (там же: 377).

Индивидуализм как смысложизненный стержень личности, перевернутая с ног на голову иерархия духовно-нравственных ценностей, социализация наоборот — утверждение эгоистических корыстных интересов любой ценой вопреки общесоциальному благу дополнились ловушкой рынка, превращающего работающего человека в раба, и иллюзией демократии, практически исключающей участие молодежи в политической деятельности и в процессе принятия решений на всех уровнях — от сельского поселения до государства.

Там, где действуют законы протестантской этики «успеха любой ценой», — растворяется, теряется созидательный потенциал основной массы молодежи. Принцип коллективной эффективности, позволивший осуществить в отсталой сельскохозяйственной стране индустриализацию, победить в Великой Отечественной войне, восстановить народное хозяйство в немыслимо короткие сроки, радикально отличается от принципа индивидуального успеха любой ценой. Причиной непривлекательности и неэффективности жизненных стратегий, которые государство и общество пытаются предоставить молодежи, является фундаментальная ошибка их выстраивания. Принцип избранности — порождение индивидуализма как идеологии, методологии и практики, позволяющий десяткам, сотням, даже тысячам втиснуться в скоростной лифт наверх, деконструктивен. Он демотивирует миллионы. Ведь неизвестно, кто и когда осознает, кто он, зачем живет, кем хочет быть. И только из миллионов первоклашек появляется Стрельцов, Гагарин, Свиридов, Хворостовский, Смоктуновский. Сам принцип платных образовательных услуг, ставший внутренним стержнем нынешней образовательной системы, затрудняет появление таких выдающихся людей.

Только общегражданская консолидация молодежи позволит стать ей полноценным субъектом социального прогресса. Социальная матрица нашего общества позволяет добиться успеха в любом начинании только через осознание его как общего дела, на которое способна не сумма индивидуумов, а совокупная целостность

личностей. Это прекрасно доказали годы первых пятилеток, позволившие превратить «лапотную» страну в индустриальную державу, Великая Отечественная война, когда братство патриотов, спасающих страну от уничтожения, перемолото количественно большую силу Европы. Наша цивилизация основана не на сумме индивидуумов, а на целостности личностей. На Западе индивидуализм воспроизводится борьбой за выживание в «джунглях», в России, в экстремальных природных условиях, периодически наступающих катаклизмах выжить можно только путем консолидации общества ради безопасности страны.

Противопоставление системы равенства возможностей, в основе которого лежит принцип коллективизма, и нынешней «гонки за успехом», ставящей на сильного, не продуктивно. Стартового равенства в жизненном «забеге» нет не только у наших молодых современников. И в советское время большинство молодых людей жили не только в крупных городах, но и в затерянных на бескрайних просторах деревнях и аулах, учились не только в спецшколах с углубленным изучением математики или иностранных языков, но и в сельских. Но для выравнивания стартовых возможностей государство запускало социальные механизмы: достаточно сказать о рабфаках, втузах при крупных предприятиях, национальных квотах при поступлении в вузы.

Все измерения общественного организма представляют собой сообщающиеся сосуды, поэтому «возникновение на пути профессионального продвижения “тромбов” в каналах социальной мобильности» (там же: 377) происходит во всех сферах деятельности молодежи — от экономики до культуры.

ЦЕННОСТНАЯ МАТРИЦА

Обвал ценностной парадигмы в 1990-е гг., дегуманизация и аморализм жизненных установок большей части молодежи были закономерным результатом распада несущих политических, экономических, социальных конструкций: нематериальные по своему характеру ценности были не только порождением этих структур за многие десятилетия и даже века российской истории, но и «скрепами», обеспечивающими целостность социального организма. Уже в 1997 г., по данным общероссийского репрезентативного социологического исследования Российского независимого института социальных и национальных проблем (РНИСиНП), практически половина опрошенных молодых людей (44%) были готовы драться за свое место в жизни и преступить ради своего благополучия через моральные нормы (см.: Карпухин, 1998). Деморализация мира молодежи сочеталась с его дегероизацией: в основной своей массе (61% опрошенных) молодые люди отрицали наличие у них идеала и на вопрос: «Кого вы считаете героем нашего времени?» — 73% респондентов ответили: «Нет такого» (Горшков, Комиссаров, Карпухин, 2022: 629).

Конечно, ценностная матрица молодежи постоянно меняется: жизненная реальность способствует динамике оценок добра и зла, нравственного и безнравственного, вынуждает переоценить взаимоотношения с предшествующими поколениями. Однако «ценностный транзит» между поколениями в последние два десятилетия изменил не только формы, но и характер межпоколенческих социокультурных коммуникаций. Калейдоскоп виртуально-информационного поля, социальные сети трансформируют структуру, характер и, естественно, результаты общения поколений, определяют «высокую фрагментацию установок в молодежных средах, опосредованную как традиционно учитываемой принадлежностью

к группе, уровнем доходов, местом проживания, так и включенностью в сменяемые референтные группы, зависимостью от “информационных коконов” и т. п.» (Молодежь и Россия будущего, 2023: 12). Поэтому, пишет академик РАН М. К. Горшков, «массированное насаждение примитивных образцов для подражания с целью формирования низкопробных потребностей способствовало заметному искажению ценностных установок значительной части молодежи, резкому росту различных девиаций и исключению заметной части молодых россиян из активной производительной и творческой деятельности. При этом масштаб некоторых девиаций был таков, что они стали новой социальной нормой» (там же: 9).

Вместе с тем рисуемая чаще всего в публицистике и на обыденном уровне мрачная картина примитивизации духовных устремлений и ценностей молодых искажает реальную картину.

Зафиксированная в недавних исследования «верхушка» наиболее значимых для современной молодежи ценностей — «равенство возможностей для реализации своих способностей, свобода выбора страны проживания, а также ценности свободы и интересной работы» (там же: 379) представляет собой сложную и внутренне противоречивую парадигму, требующую глубокого анализа.

Концепт «равенства возможностей» прежде всего противостоит социальному неравенству во всех его проявлениях не требованием вернуться к социальной уравниловке, а признанием необходимости введения гибкой системы «коэффициентов справедливости», позволяющих уравнивать стартовые позиции выходцев из разных социальных слоев, регионов, семей с разным уровнем доходов, социокультурным багажом и т. п. Кроме того, ценность свободы, психологически чрезвычайно важной в период духовного и социального становления общества и самого человека, не стоит идентифицировать с либеральным нарративом свободы как безусловной ценности, возвышающейся над всеми другими социальными ценностями. Российское мироощущение, которое невозможно качественно изменить за два-три десятилетия, подразумевает под этим недопустимость «подневольности», перечеркивающей все личностные устремления человека, которые во многом не позволяют молодым проявить себя.

А самое главное — этот вывод позволяют сделать строго научные результаты цитируемых исследований РИСИ и ФНИСЦ РАН — система ценностей, которая является внутренней структурой духовного мира человека, у нынешней молодежи мало чем отличается от лиц среднего и старшего возраста. Более 90% респондентов всех возрастов отметили главными для себя «иметь надежных друзей, хорошо зарабатывать, иметь отдельное жилье, жить не хуже других, создать счастливую семью, найти интересную работу, честно прожить свою жизнь, воспитать хороших детей, стать профессионалом в избранном деле, иметь много свободного времени и проводить его в свое удовольствие» (там же: 380).

Стоит ли сомневаться в том очевидном свидетельстве, что наши граждане находятся в одной цивилизационной колее или в одной исторической «упряжке», которая вот уже несколько поколений тянет вперед нашу страну, несмотря на все потрясения? Конечно, эти ценности носят вполне общечеловеческий характер, и подобные ответы могут быть получены в других странах, несмотря на культурные и цивилизационные различия. Но социальная реальность чаще всего подчиняет эти общечеловеческие начала логике успеха любой ценой и т. д. Сиюминутные — при всей их глубине и основательности — социологические срезы стоит дополнить

оценкой динамики объекта исследования. В качестве доказательства хотелось бы привести данные социологического исследования 33-летней давности¹, в котором ценностную парадигму молодежи того времени составляли такие опорные пункты, как «сделать счастливым любимого человека», «полностью реализовать самого себя», «воспитать ребенка, похожего на Вас», «узнать как можно больше, овладеть духовными ценностями, что накоплены человечеством», «сделать счастливыми своих родителей», «найти хорошего мужа (жену)», «достичь высокого уровня материального благосостояния», «стать лучшим специалистом в избранной профессии», «прожить как можно дольше», «достичь полной свободы, независимости» и т. д. (Кудрина, Комиссаров, Шендрик, 1990). Если наложить друг на друга эти две ценностные матрицы с разницей в треть века, то при всех расхождениях однопавленность духовно-ценностного развития разных поколений молодежи очевидна, и сегодня социологи вправе говорить об «успешном функционировании механизма межпоколенческого ценностного транзита» (Молодежь и Россия будущего, 2023: 380).

Наиболее разительны межпоколенческие различия в сфере культуры и культурной деятельности, связанные в первую очередь с существенным изменением социокультурных и медиакоммуникаций, преобразованием самого характера художественного творчества и литературно-художественного процесса, а также с превращением этого творчества в условиях рынка и новых информационных технологий в массово-индустриальное производство символических ценностей².

Не менее важна для понимания того, что происходит с российской молодежью, и оценка ее участия в социально-политической сфере общественной жизни, ее отношений с властью, государственными институтами, оценка возможностей самореализации в общественно-политической сфере. Но это тоже авторы вынуждены вынести за пределы данной статьи.

В целом интегральной характеристикой современной молодежи является ее социально-психологическое состояние, которое всегда существует в объективных показателях и субъективных ощущениях. Оно, несмотря на определенные подвижки в социально-экономическом положении, духовных устремления и ценностных характеристиках молодых людей, «приобретает довольно тревожный характер», причем «чем старше становится человек, тем хуже он оценивает свою жизнь» (там же: 81, 88–89). Комфортное психологическое самочувствие является не только индикатором эффективности деятельности государства по отношению к молодежи, но и категорическим императивом для тех, кто отвечает за эту эффективность.

Анализ ученых РИСИ и ФНИСЦ РАН свидетельствует, что молодые люди довольны прежде всего возможностями общения с друзьями (хорошие возможности — 62,9%, плохие — 3%), доступностью Интернета и цифровых технологий в целом (59,8 и 2,6%), отношениями в семье (59,1 и 2,8%). Можно констатировать, что микромир молодого человека вполне для него комфортен, в отличие от социального окружения, некомфортность которого молодежь все более ошутимо компенсирует уходом в онлайн-коммуникации. И этот сетевой эскапизм для все большего числа молодых людей становится способом «разминуться» с реальной жизнью, в которой материально обеспеченными себя считает лишь четверть молодых людей (24,9%), лишь примерно каждый третий имеет возможность получить образование и знания, которые ему необходимы (36,7%), реализовать себя на работе (31,8%), отдохнуть во время отпуска или каникул (32,1%), и только примерно каждый пя-

тый может получить качественную медицинскую помощь, в том числе платную (22,2%), выражать свои политические взгляды (20,2%) (там же: 69).

Можно ли с такими объективными и социологически не вызывающими сомнений показателями назвать общество комфортным для молодежи? Кардинально и немедленно изменить ситуацию можно только в прекраснотных пожеланиях. Но нельзя не признать, что разворот всей политики к молодежи как к локомотиву социального прогресса происходит слишком медленно, причем во всех сферах деятельности государства — от политики и экономики до культуры. И чем это замедление ощутимее, тем проблематичнее будущее страны, которое без нынешней молодежи, его олицетворяющей, не состоится.

МОЛОДЕЖЬ — БУДУЩЕЕ РОССИИ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Уязвимость молодежи в любых потрясениях — от пандемии до геополитической экспансии против России, казалось бы, вполне объяснима. Но и потенциал преодоления негативных обстоятельств — социальных, психологических у нее выше, чем у старших возрастных групп. Схожесть с социально-исторической пассионарностью фронтового поколения середины прошлого века, вынесшего на своих плечах не только войну, но и восстановление народного хозяйства, может служить аналогом того, что ожидает нынешних молодых людей, принимающих участие в СВО. Именно эти события позволяют констатировать отслоение большей части молодых людей от той модели общественного развития, которая была нам навязана в 1990-е гг. и в которой де-факто молодежь сформировалась как сознательная часть общества. Нельзя не признать и непритягательность для молодых советской модели жизни, которую всю последнюю треть века очерняли любыми способами — в учебниках, книгах, фильмах... В этой ситуации в массовом сознании молодежи формируется «футуральный вакуум». Она просто не знает, какой будет страна, где будут жить ее будущие дети и внуки, каким будет общественный порядок и его экономическая основа, достижимо ли материальное и духовное благополучие, как изменятся коммуникации между людьми, какие ценности станут доминировать, а какие превратятся в рудимент...

Внятный образ будущего предстает в виде «национальной идеи», которая никак не может кристаллизироваться в российском обществе из-за страха перед понятиями «идеология» и «национальный», за десятилетия промывания мозгов внедренного в подсознание не только молодежи. Но ведь без идеологического оформления мечты народа, гарантирующего его национальные интересы в будущем, это будущее не состоится — его подменят на «проамериканскую мечту» действующие в мире гигантские центры силы, обладающие отточенным идеологическим обоснованием собственных групповых меркантильных интересов и информационными механизмами убеждения миллионов людей.

Никто не будет спешить в будущее, покрытое мраком неизвестности: каждый следующий шаг вперед может оказаться шагом в пропасть. Оптимизм — единственная естественная социально-психологическая привилегия молодежи, и, несмотря на обывательские сетования и даже мнения многих публицистов и ученых, российская молодежь этот оптимизм не растеряла даже в условиях обострения международной ситуации. Большинство молодых людей «встраиваются» в существующий социальный порядок со всеми его недостатками, преодолевают объек-

тивные преграды и берут искусственные барьеры на своем пути. Противодействие антироссийским санкциям повышает потребность власти и бизнеса в приливной волне молодежного энтузиазма, в многократном увеличении числа молодых людей, обладающих новыми знаниями и готовыми к свершениям, в которых нуждается страна, во всех областях жизни. Конечно же, обманутые надежды отцов и дедов нынешних молодых людей на свободу и демократию в той иллюзорной форме, в какой эти «столбовые» ценности западного общества внедрялись в 1990-е гг., вынуждают нынешнюю молодежь относиться ко многим обещаниям с опаской, а к будущему — с осторожностью. Вообще, как показывают исследования ФНИСЦ РАН, только одного из четырех молодых людей можно отнести к закоренелым оптимистам (там же: 378). Однако можно предположить, что их число будет расти благодаря успехам социально-экономического развития.

Концентрация нововведений и ресурсов для реализации ожиданий порождает оптимизм в основных «местах силы» обновляющегося российского общества — в столичных городах, крупных «прорывных» производствах и т. д. Вместе с тем понятно, что перевод на новые экономические и социокультурные рельсы, инфраструктурные уровни всей необъятной региональной России, жителей ее средних и малых городов, сел и поселков, — а это «целинное поле» обновления страны — создаст новые возможности для молодежи, ее активной трудовой и социальной деятельности, придаст новое качество духовному настрою в молодежной среде. Жизнь общества под прессом новых вызовов третьего десятилетия этого века настраивается на новый лад, общественный запрос на социальную справедливость и эффективность управления страной будет осуществляться в первую очередь со стороны молодежи. Уверены, что новый импульс этому процессу придаст волна непосредственных участников специальной военной операции, которые после ее завершения придут в студенческие аудитории, на производство, в структуры власти. Герои нашего времени — именно оно и определяет будущее страны — рождаются в окопах на передовой, в конструкторских бюро и производствах ВПК.

Такой курс мобилизационного обновления общества лучше, чем любые пропагандистские изощрения, поднимет градус оптимизма и снизит число пессимистов, к которым ныне можно отнести меньше половины молодых людей. Однако чем радужнее надежды на благополучное развитие событий, тем жестче и последовательнее должен быть курс на реализацию этих надежд. Но такая наладка социальных механизмов во всех сферах жизни общества — обязательна для успешной реализации программных заявлений и политических лозунгов. Если говорить в целом, Россия должна повернуться лицом к молодежи, которая пока еще остается на периферии ускоренного развития страны.

Дилемма, которая определяет будущее России как цивилизации, — межпоколенческий разрыв или естественное обновление исторического опыта предшествующих поколений — возможно, самая многомерная и «конъюнктурная» проблема для власти. Нынешние социологические замеры показывают диалектику межпоколенческих расхождений и межпоколенческого транзита, но ни о каком «разрыве» говорить не приходится. По крайней мере, все расхождения не имеют ничего общего с идеологическими противоречиями, которые существуют в другом — вневозрастном измерении: «современное российское общество достаточно плюралистично, но в нем отсутствует то, что принято называть разрывом поколе-

ний, по крайней мере в вопросах настоящего и будущего страны. Подобное мировоззренческое воспроизводство является важным условием социальной устойчивости и последовательной трансляции ценностных матриц и «цивилизационного кода» России от старших поколений к тем, кто только вступает во взрослую жизнь» (там же: 358). Основной вопрос нашего напряженного и тревожного времени: какой быть России будущего — самобытной, продолжающей в новых условиях сохранять многовековую уникальность, позволяющую исторически проверенным образом реагировать на вызовы новой эпохи в интересах многонационального народа, или начать жить по другим цивилизационным лекалам? Сегодня общественная позиция однозначна: большинство укрепило в сознании необходимости первого пути, меньшинство смотрит на Запад как на образец будущего для России.

Но реальный выбор зависит от позиции молодежи, возрастные приливные волны будут все в большей степени определять маршрут в грядущее. Социологи выявили, что на западные модели социального порядка и нелиберальные идеи и ценности молодые россияне ориентированы гораздо больше, чем их отцы и тем более деды. Однако апологеты западного «свободного рая» не составляют большинства и в молодежных категориях. А главное, по мере взросления иллюзии по поводу разрисованных зарубежными и отечественными СМИ витрин западной «демократии» улечиваются, и показатели практически совпадают с мнением представителей старших возрастных групп (там же: 346).

Смеем предположить, что динамика взросления в нынешних условиях только усилилась и обещает иные цифры последующих социологических замеров. Идеи «державного авангардизма» — вхождения в число мировых лидеров, объединяющих человечество на идеалах и принципах равноправия, присущи сегодня в большей степени старшим поколениям, ностальгирующим по времени их советской юности, когда СССР был сверхдержавой. Но сама по себе такая идея настолько амбициозна, что именно молодые могли бы подхватить ее и включиться в процесс ее реализации. Для этого необходима не только новая идейно-смысловая и ценностная стратегия и соответствующая тактика со стороны государства, которое должно использовать все имеющиеся в его руках информационные механизмы и социокультурные технологии, но и, самое главное, социальные преобразования, позволяющие молодежи реализовать личностный творческий потенциал каждого — в политике, экономике, научно-техническом прогрессе, культурных коммуникациях — во всех измерениях общественной жизни. Речь идет не о пресловутых «социальных лифтах», на которых можно было бы перескочить на любой этаж социальной и т. д. иерархии, а о свободном доступе каждого к трудному и многоступенчатому пути восхождения к самореализации и общественному признанию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Социологическое исследование «Идеалы и ценностные ориентации молодежи» было проведено в 1989–1990 гг. Академией общественных наук при ЦК КПСС и Институтом молодежи (руководители — Ж. Т. Тощенко, И. М. Ильинский, А. И. Шендрик, Т. А. Кудрина, С. Н. Комиссаров) в РСФСР, Украине, Белоруссии, Молдавии, Латвии, Казахстане, Узбекистане, Таджикистане. Объем выборки — 10 459 человек, в том числе 22% — в возрасте 14–17 лет, 15% — 18–20 лет, 28% — 21–25 лет, 22% — 26–30 лет.

² Эта тема требует более глубокого рассмотрения, невозможного в рамках данной статьи, поэтому отсылаем читателя к монографии (Горшков, Комиссаров, Карпунин, 2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Горшков, М. К., Шереги, Ф. Э. (2020) Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М. : ФНИСЦ РАН. 688 с.
- Горшков, М. К., Комиссаров, С. Н., Карпухин, О. И. (2022) На переломе веков. Социодинамика российской культуры. М. : ФНИСЦ РАН. 703 с.
- Карпухин, О. И. (1998) Самооценка молодежи, как индикатор ее социокультурной идентификации // Социологические исследования. №12. С. 89–93.
- Катаев, С. (1993) Молодежь как социально-культурная общность в аспекте межпоколенческих отношений // Теоретические основания культурной политики / отв. ред. Э. А. Орлова, Е. А. Соколов М. : Рос. ин-т культурологии. 269 с.
- Кудрина, Т. А., Комиссаров, С. Н., Шендрик, А. И. (1990) Социалистический идеал в массовом сознании молодежи. М. : Академия общественных наук при ЦК КПСС. 36 с.
- Молодежь и Россия будущего (2023) / М. К. Горшков и др. ; отв. ред. М. К. Горшков, М. Е. Фрадков, Н. Е. Тихонова. М. : Российский институт стратегических исследований ; Весь Мир. 384 с.
- Панкова, Т. А. (2002) О становлении нравственных и гражданских позиций школьников // Социологические исследования. №5. С. 193–200.
- Положение молодежи в Российской Федерации и государственная молодежная политика : Государственный доклад (1998) / С. В. Алещенок, П. И. Бабочкин, Л. А. Гегель и др. ; Гос. ком. РФ по делам молодежи. М. : Изд-во Ин-та молодежи «Социум». 163 с.

Дата поступления: 17.09.2023 г.

RUSSIAN YOUTH AT THE TURNING POINT OF EPOCHS

O. I. KARPUKHIN

FCTAS RAS INSTITUTE OF SOCIOLOGY, MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES,

S. N. KOMISSAROV

FCTAS RAS INSTITUTE OF SOCIOLOGY

The article analyses the changes currently taking place among Russian youth, based on the data of the latest sociological studies of the life destinies and values of youth in the context of the aggravating geopolitical situation in the world and the cultural and informational expansion of the West against Russia. Also, various aspects of state youth policy are shown.

In general, the events in Little Russia and the intensification of the hybrid war against Russia have led to increased consolidation of our society, increased confidence in the political authorities and strengthened confidence in a special path of the country's development based on national values.

Sociological data indicate that the majority of young people are becoming «integrated» in the existing social order with all its shortcomings. Their social optimism and creative potential are in demand not only on the battlefield, but also in all spheres of public life, primarily in the «breakthrough» areas of scientific and technological development of the country, on which the government and business are betting in the face of unprecedented sanctions pressure from the West. The course on the mobilization renewal of Russian society is connected both with the involvement of the youth of regional Russia in its implementation, and with the request for social justice and effective governance of the country.

The need and determination to implement this course is confirmed by a high degree of intergenerational transit that eliminates the generation gap, especially in the outlook on the present and future of Russia, which indicates social stability and reproduction of value matrices and the civilizational code of Russia. The full inclusion of young people in the implementation of the idea of the country becoming one of the world leaders uniting humanity on the ideals and principles of equality directly depends on the ability of the state to carry out social transformations that allow realizing the personal creative potential of everyone in all spheres of public life.

Keywords: youth of Russia; dynamics of socio-economic status of youth; spiritual state of youth; state youth policy

REFERENCES

- Gorshkov, M. K. and Sheregi, F. E. (2020) *Molodezh' Rossii v zerkale sociologii. K itogam mnogoletnih issledovaniy*. Moscow, FCTAS RAS. 688 p. (In Russ.).
- Gorshkov, M. K., Komissarov, S. N. and Karpuhin, O. I. (2022) *Na perelome vekov. Sociodinamika rossijskoj kul'tury*. Moscow, FCTAS RAS. 703 p. (In Russ.).
- Karpuhin, O. I. (1998) Samoocenka molodezhi, kak indikator ee sociokul'turnoj identifikacii. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 12, pp. 89–93. (In Russ.).
- Kataev, S. (1993) Molodezh' kak social'no-kul'turnaya obshchnost' v aspekte mezhpokolencheskih otnoshenij. In: *Teoreticheskie osnovaniya kul'turnoj politiki* / ed. by E. A. Orlova and E. A. Sokolov. Moscow, Russian Institute of Cultural Studies. 269 p. (In Russ.).
- Kudrina, T. A., Komissarov, S. N. and Shendrik, A. I. (1990) *Socialisticheskij ideal v massovom soznanii molodezhi*. Moscow, Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU. 36 p. (In Russ.).
- Molodezh' i Rossiya budushchego (2023) / M. K. Gorshkov et al. ; ed. by M. K. Gorshkov, M. E. Fradkov and N. E. Tihonova. Moscow, Russian Institute for Strategic Studies ; Ves' Mir. 384 p. (In Russ.).
- Pankova, T. A. (2002) O stanovlenii npravstvennyh i grazhdanskih pozicij shkol'nikov. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 193–200. (In Russ.).
- Polozhenie molodezhi v Rossijskoj Federacii i gosudarstvennaya molodezbnaya politika : Gosudarstvennyj doklad* (1998) / S. V. Aleshchenok, P. I. Babochkin, L. A. Gegel' et al. Moscow, Socium. 163 p. (In Russ.).

Submission date: 17.09.2023.

Карпухин Олег Иванович — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, главный научный сотрудник Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, заслуженный деятель науки РФ. Адрес: 109544, Российская Федерация, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1. Тел.: +7 (499) 125-00-79. Эл. адрес: isras@isras.ru

Комиссаров Сергей Николаевич — доктор философских наук, профессор, руководитель центра по связям с общественностью и СМИ Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, завсектором исследований социокультурных и медиакоммуникаций Института социологии ФНИСЦ РАН. Адрес: 109544, Российская Федерация, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1. Тел.: +7 (499) 125-00-79. Эл. адрес: prcult@mail.ru

Karpukhin Oleg Ivanovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of Fundamental and Applied Research, Moscow University for the Humanities, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Postal address: 5, Bolshaya Andronevskaya St., Bldg. 1, Moscow, Russian Federation, 109544. Tel.: +7 (499) 125-00-79. E-mail: isras@isras.ru

Komissarov Sergey Nikolayevich, Doctor of Philosophy, Professor, Head, Center for Public Relations and Mass Media, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Head, Research Sector of Socio-Cultural and Media Communications, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. Postal address: 5, Bolshaya Andronevskaya St., Bldg. 1, Moscow, Russian Federation, 109544. Tel.: +7 (499) 125-00-79. E-mail: prcult@mail.ru